

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

С.Г. ТУРОНОК

Интернет и политический процесс

ARPANET, BBS, Usenet, LAN - все эти сетевые приложения, выросшие в свое время из различных корней, - в 80-е годы срастаются и переплетаются вместе в единую систему - Глобальную Сеть. Эта "сеть сетей" была названа ARPA Internet, а позже просто Internet.

В 80-90-е годы сетевые коммуникативные технологии встали на тот же путь диффузии, который двумя десятилетиями ранее проделали компьютерные технологии. Имевшие первоначально военное назначение, компьютерные и сетевые технологии вскоре доказали свою значимость и доступность сначала для ученых и исследователей вне военно-промышленного комплекса, затем для крупного бизнеса, позже для малого бизнеса, и наконец, для простых граждан. Качественные изменения претерпели социально значимые признаки и интересы популяции компьютерных пользователей, проделавшей эволюцию от "жреческой касты" 50-х, "элиты" 60-х до "субкультуры" 70-х, и наконец, социологически значимой и быстро растущей доли населения развитых стран 80-90-х годов.

Интернет становится, пожалуй, самым динамичным и быстро развивающимся технологическим, а теперь и экономическим, культурным, и наконец, политическим феноменом современности. Это развитие можно измерять различными показателями: скоростью обмена данными, количеством пользователей, миллиардами долларов финансовых транзакций, и т.д.

Так, первоначальная община ARPANET насчитывала около тысячи пользователей в 1969 году. К концу 80-х годов количество пользователей Интернета приблизилось к 5-10 млн человек. К 2000 году "население" Глобальной Сети перешло за отметку 300 млн, превысив число жителей любой отдельно взятой страны мира, за исключением Индии и Китая. При этом изменяется языковая композиция аудитории Интернета: если в начале 90-х годов подавляющее большинство в Сети составляли англоязычные пользователи, то сегодня свыше 42% аудитории относится к иным языковым группам¹. Численность аудитории Интернета в России оценивается, по разным данным, от 1,5 до 4 млн человек.

Интернет и информационно-коммуникативная революция

Развитие и глобальное распространение электронных сетевых коммуникаций неотделимо от широкого контекста культурных, социальных, экономических, политических изменений, сам масштаб которых позволяет характеризовать их как революционные, эпохальные изменения, открывающие новую эру в истории человеческой цивилизации.

¹ Global Internet Statistics: <http://www.gltreach.com/globstats>

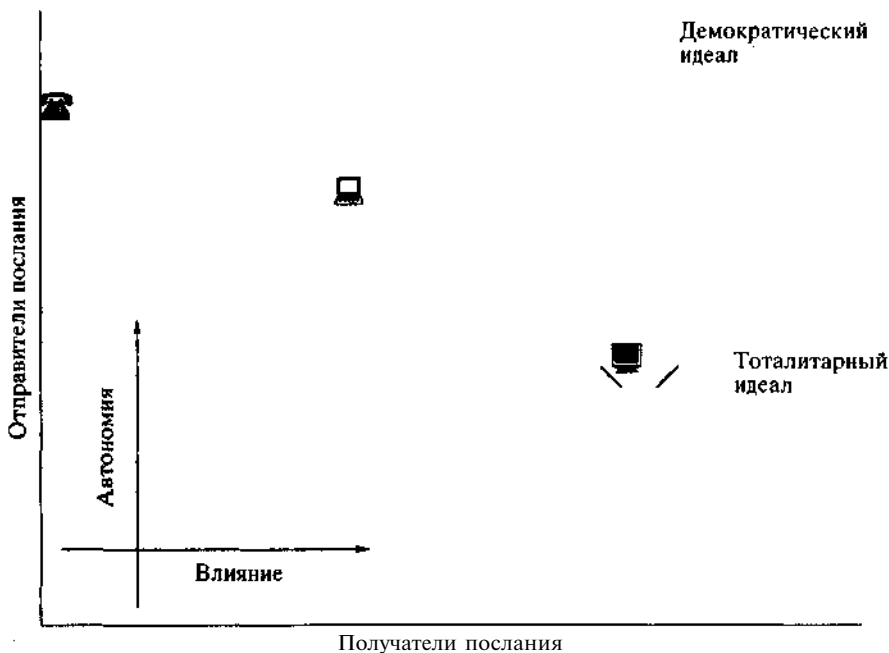

Рис. 2. Современные средства коммуникации.

Технологические нововведения в области коммуникации исторически способствовали наращиванию потока информации в двух измерениях: дальности и площади охвата. Телеграф и телефон увеличили дальность обмена информацией. Радио и телевидение расширили аудиторию вещания. Покорение дистанции качественно улучшило возможности *диалога* (двусторонней коммуникации), необходимого для функционирования *рыночных* структур. Наращивание площади охвата качественно улучшило информационный *монолог* (односторонняя коммуникация), посредством которого *иерархические* структуры воздействуют на умы и поддерживают контроль над подвластными ему субъектами³. Компьютерные сетевые технологии открыли возможности многосторонней коммуникации, и это открытие имеет уже непосредственное отношение к *политическому процессу*.

Рассмотрим современные средства коммуникации в системе координат, заданной фактором *влияния* (возрастает по мере того, как все большее число людей становятся получателями информационного послания), и фактором *автономии* (возрастает по мере роста доли граждан, способных быть отправителями информационного послания) (см. рис. 2).

Широковещательные медиа (радио, телевидение) способны достигать большой аудитории, однако возможности вещания сильно ограничены экономическими, политическими и технологическими обстоятельствами. Интерактивные медиа - телефония - потенциально способны достичь каждого, однако количество адресатов в расчете на одно послание редко бывает выше одного.

Максимизация влияния при минимизации автономии (задача авторитарной диктатуры) была намного проще, пока технологический прогресс в области телекоммуникаций имел линейную направленность вдоль горизонтальной или вертикальной оси координат. Оптимальная позиция, с позиций диктатуры, - нижняя правая область ри-

³ До эпохи Интернета функциональные различия между информационным диалогом и монологом казались непреодолимыми: телефон, например, был столь же неэффективен для распространения информации в больших масштабах, как телевидение, в свою очередь, неэффективно для поддержания дискурса.

сунка, где все получают послания от правящего режима, и никто не может стать независимым отправителем информации.

Традиционные широковещательные медиа расположены ближе к оптимуму диктатуры, и они всегда служили в качестве мощного политического оружия, нацеленного на культивирование авторитарных и единообразных форм мышления. В свою очередь, традиционные интерактивные коммуникации могут быть существенно ограничены технически и политически: прослушивание, ограничение числа международных телефонных линий, сегрегация телефонных систем и т.д.

Идеал демократии, по всей видимости, может быть соотнесен с правой верхней областью рисунка, соответствуя положению, когда идеи свободно конкурируют на общественно-политическом рынке, участниками которого являются множество генераторов и множество реципиентов информации. Прогресс в этом направлении в технологическом отношении должен коррелировать с расширением доступа населения к интерактивным коммуникациям⁴.

Посмотрим теперь, что нового в этой системе координат нам дает Интернет: срединная область нашего рисунка более не является вакантной, не занятой существующими телекоммуникационными медиа. Глобальные электронные сети - первая коммуникативная технология, развивающаяся *одновременно* в направлении обоих факторов. Каждый, имеющий доступ к Сети, может выступать как получателем, так и отправителем информации. Технология Интернета, таким образом, порождает политически взрывоопасную смесь автономии и влияния.

Взаимосвязь между доступом к интерактивным коммуникациям и демократическим процессом имеет не только статистическое, но и более глубокое, содержательное выражение. Конечно, демократия как форма политической жизни предполагает одновременно развитие возможностей диалога и монолога, однако предполагает и нечто качественно иное⁵. *Открытые публичные дебаты (многосторонняя коммуникация)* - это демократический синтез диалоговых и монологических форм коммуникации. Смысл многосторонней коммуникации в том, что каждый индивид, получающий информацию посредством того или иного канала, в равной мере способен принять участие в полном и идентичном контексте общественной дискуссии, имеет возможность слышать и быть услышанным⁶.

Демократические архетипы (народные собрания в Афинах, Великом Новгороде и колониальной Новой Англии) дают примеры такого рода коммуникации. В современных демократиях подобные народные собрания в физическом пространстве и времени неосуществимы, не способны и традиционные коммуникационные технологии - телевидение, телефон и т.д. - дать адекватное техническое обеспечение такого рода.

Виртуальное пространство компьютерных сетей, таким образом, открывает уникальные возможности, способные придать новое качество демократическому политическому процессу.

Интернет и общественно-политический процесс

Политически значимые "вызовы" информационно-коммуникативной революции разнообразны и внутренне противоречивы: бурное развитие электронной коммерции

⁴ Исследование, осуществленное корпорацией RAND, статистически подтверждает **данное** предположение.

⁵ Демократический процесс полагается на диалог как на средство достижения компромисса, однако практика закрытых переговоров и теневых сделок может подрывать доверие, необходимое для достижения общественного консенсуса. Политическая сознательность электората предполагает механизм распространения политически значимой информации, однако монополизация рычагов управления СМИ подрывает качество информационного потока.

⁶ Конституции развитых демократий (начиная с американского Билля о правах) содержат положения, относящиеся к каждому из трех типов коммуникации, значимых для функционирования демократического процесса: право обращения с петициями к властям соответствует диалоговому типу коммуникаций между гражданами и государством; свобода слова обеспечивает демократический монолог, распространение информации; свобода собраний закрепляет многостороннее качество публичных дебатов.

и сопутствующее создание миллионов новых рабочих мест входит в противоречие с традиционными практиками и инструментами государственного регулирования экономики; новые формы и методы самоорганизации гражданских инициатив, правозащитной и экологической активности оказываются столь же привлекательными и эффективными для террористических организаций и транснациональных криминальных синдикатов; невиданная прежде свобода выбора и самореализации в виртуальном пространстве оборачивается кризисом нравственных устоев общества; создание новых высокоэффективных систем управления транспортом, энергосистемами, инфраструктурой жизнеобеспечения заставляет задуматься о растущей зависимости и уязвимости человеческого общества от случайных или намеренных сбоев оборудования и программного обеспечения. Эти и многие другие проблемы характеризуют политическое измерение глобальных коммуникаций в той мере, в какой они требуют новых подходов и решений в области политического регулирования, осмысленных и непростых публичных решений, совместных усилий общественных и государственных институтов на национальном и межгосударственном уровне. Осветить все политически значимые аспекты выбранной темы невозможно, поэтому в центре внимания автора находятся вопросы, имеющие непосредственное отношение к политическому процессу, стремления к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти [Вебер, 1990, с. 646].

Способны ли изменения, вызванные все более широким использованием сетевых коммуникаций, породить *качественно иную общественно-политическую систему* в обозримом будущем?

Многие верят, что ответ на этот вопрос должен быть положительным. В свое время Р. Даль отмечал, что телекоммуникационные технологии играют ключевую роль в создании предпосылок "передового демократического общества", в котором политические решения опираются на мнения и суждения "народа" [Dahl, 1989, p. 339]. А. Этциони формулирует концепцию "теледемократии" в качестве пути достижения общественного блага с помощью коммуникативных технологий [Etzioni, 1993]. Лоуренс Гроссман считает, что с развитием новых коммуникативных технологий наступает новая, третья великая эпоха демократии [Grossman, 1995]. Подобно тому как в XVIII столетии представительная модель демократии пришла на смену первым опытам прямой демократии в Древней Греции, сегодня новая "электронная республика" приходит на смену модели Монтескье, Локка, Мэдисона и их последователей.

Самую грандиозную перспективу предвидит Н. Негропонте, который ожидает, что институт национального государства исчезнет под воздействием глобальных коммуникаций [Negroponte, 1995].

В конце 80-х годов, когда Интернет еще не был осознан как политический феномен, Абрамсон, Артертон и Оррен в работе "Электронное Содружество" [1988] выделили три центральные теоретические категории, имеющие отношение к электронным медиа: *плебисцитарная демократия, коммунитаризм и плюрализм*. Современные комментарии к теме "Интернет и политический процесс" в значительной мере вписываются в эту систему координат и воспроизводят так или иначе логику рассуждений.

Чтобы сделать наш анализ более целостным и направленным, выделим во всем многообразии научных и общественных дискуссий по интересующей нас проблематике две ведущие темы: *популистский тезис* о том, что Интернет позволяет воздействовать на власть и проводимую ею политику на индивидуальном уровне, и *коммунитарный тезис* о способности Интернета изменить саму природу социальных сообществ и основания общественного устройства.

Обратимся к аргументам тех, кто уверен в *популистском* характере воздействия Интернета на политический процесс. Э. Коррадо и Ч. Фаерстон обращают внимание на то, что Интернет может обеспечить "неопосредованные" коммуникации между гражданами и властью, сведя к минимуму зависимость граждан от избираемых пред-

ставителей, партийных организаций и организованных групп интересов [Corrado, Firestone, 1996, p. 13]. Л. Гроссман формулирует ту же мысль следующим образом: "Наибольшие потери в сегодняшнем процессе реструктуризации и возрождения общественного влияния несут *традиционные институты, служившие основными посредниками между государством и его гражданами*, - политические партии, профсоюзы, гражданские ассоциации, и даже традиционные СМИ" [Grossman, 1995, p. 16].

Х. Рейнгольд, один из ведущих популяризаторов темы Интернета и политики, называет Сеть "великим уравниателем", способным "выровнять баланс власти между гражданами и политическими баронами" [Rheingold, 1991].

Действительно, нельзя отрицать, что в XX веке в развитых демократических странах устойчивой тенденцией было движение под воздействием распространения электронных медиа в сторону более плебисцитарной демократии. Технологии массовой коммуникации внесли вклад в расширение базы демократического участия, развитие практики референдумов и гражданских инициатив, выдвижения кандидатов (праймериз), опросов общественного мнения и других инструментов прямой демократии. Феномен Глобальной Сети добавляет новый значимый акцент в аргументацию более ранних концепций технологического детерминизма ("теледемократия") - это представление *о снижении роли политических элит и институциональных посредников*.

Политическая функция Интернета в соответствии с этой концепцией состоит в обеспечении постоянного общественно-политического диспута с возможностью электронной обратной связи в реальном времени между властью и гражданами. Это - *плебисцитарная* составляющая идеи. При этом граждане будут менее зависимы от государственных чиновников, экспертов, политических организаций, групп интересов, ассоциаций и СМИ в вопросах сбора, организации и обмена информацией, мобилизации политического участия - это *популистская* составляющая. В наиболее экстремальной форме рисуется картина самоуправления посредством электронного опроса общественного мнения, без всякого участия профессиональных политических коммуникаторов [Westen, 1996, p. 57-69].

Обращаясь к конкретным примерам, следует заметить, что важной вехой в развитии Интернета как политического ресурса и инструмента явился 1998 год. В развитых демократических странах, где аудитория Глобальной Сети уже стала социологически и политически значимой категорией электората, ряд политиков с успехом использовали Интернет-коммуникации в качестве технологий избирательных кампаний.

Пожалуй, наиболее яркий на сегодняшний день пример такого рода - беспрецедентный успех кандидата от независимой Партии Реформ Д. Вентуры на выборах губернатора штата Миннесота (США) в 1998 году. Игнорируя консервативно настроенных хозяев масс медиа, он с помощью Интернета вошел в непосредственный контакт с избирателями, мобилизовав 3 тыс. добровольцев и собрав более 60 тыс. долл. Оппоненты от демократов и республиканцев затратили на избирательную кампанию в совокупности около 15 млн долл., в то время как Вентура одержал победу, имея в избирательном фонде 500 тыс. долл. и всего одного оплачиваемого сотрудника избирательного штаба - WEB-мастера. "Интернет стал нервной системой всей нашей кампании, - отметил Вентура, - WEB-сайт для нас не просто новинка, это и есть сама мобилизация в действии" [Raney, 1998].

Партия Реформ - первая, но далеко не единственная независимая политическая организация в США, сделавшая ставку на Интернет-технологии: Либертарная партия, партия Естественного права и Зеленая партия также используют Сеть для распространения своих идей. Среди пользователей Сети в США разочарование в республиканско-демократическом доминировании достаточно высоко, и некоторые даже говорят о возможном формировании партии пользователей Интернетом. В России представляет интерес опыт движения "Новая сила" (С. Кириенко), не только получившего регистрацию в Минюсте фактически на основании "электронной подписки", но и организовавшего первый в нашей стране "виртуальный съезд" осенью 1999 года.

Интернет открывает уникальную возможность осмысленной политической идентификации для общественно-политических движений и инициатив, прежде всего неконвенционального толка, не имеющих устойчивых связей в существующем истеблишменте, институционализированных структурах и устоявшихся социальных стратах. Облегчая задачу *мобилизации* географически, социально и профессионально "распыленных" единомышленников, не имеющих в реальной жизни никаких иных связей, кроме Интернета, радикально снижая организационные и информационные *издержки*, предоставляя беспрецедентные возможности в отношении *фандрайзинга* (сбора средств), прямого *маркетинга* общественно-политических идей и поддержания свободного неопосредованного дискурса, современные сетевые коммуникации действительно открывают новое "виртуальное измерение" в практике организационного, партийного строительства, самоорганизации гражданского общества.

Свидетельством того, что виртуальный "политический рынок" в передовых странах уже сформировался, можно рассматривать обострившуюся конкуренцию между коммерческими производителями профессиональных услуг и программных приложений, специализированных в области "он-лайновой политики". Американская фирма Campaign Solutions предлагает клиентам программный пакет, поддерживающий основные функции электронных избирательных кампаний (рассылка электронной почты, телемаркетинг, электронный фандрайзинг и др.) за 495 долл. Ее конкурент, компания Politics Online⁷ нашла выгодный рекламный ход: ее продукт Instant Online Fundraiser предоставляется клиенту бесплатно, при этом производитель, беря на себя все функции по техническому обеспечению финансовых платежей, взимает за услугу 10%. Такой вариант особенно привлекателен для малобюджетных избирательных кампаний.

"Instant Online Fundraiser для активистов избирательных кампаний станет тем же, чем стал автомат для грабителей банков" - гласит реклама фирмы, и в этом не так уж много преувеличения. Получая прямой доступ к рядовому избирателю с его кредитной карточкой, организаторы избирательных кампаний получают невиданную прежде возможность, не имея первоначального капитала, аккумулировать миллионы небольших частных пожертвований, способных в совокупности перевесить разовые взносы крупных спонсоров, на которых традиционно строился политический фандрайзинг. Для таких независимых "малобюджетных" кандидатов, активистов гражданских инициатив и самостоятельных лоббистов консультативные фирмы, специализирующиеся в области "он-лайновой политики", разрабатывают типовые стратегии, распространяемые порой бесплатно, и содержащие подробные инструкции в стиле "сделай сам", следуя которым можно развернуть собственную политическую кампанию⁸.

Технологии политического маркетинга в виртуальном пространстве также обретают качественно новые возможности. Размещая политическую рекламу на радио и телевидении, рекламодатель руководствуется рейтингами и специальными социологическими исследованиями, при этом возможность определить эффективность воздействия (действительно ли значимая целевая группа была "у экранов и радиоприемников" в нужный момент) остается весьма условной. С помощью Интернета появляется возможность хирургически точного воздействия на каждого конкретного члена целевой группы с последующим контролем его эффективности. Сегодня тысячи Интернет-порталов, провайдеров и почтовых служб собирают сверхспециализированную информацию о своих пользователях с помощью таких инструментов, как регистрационные формы, подписки, а также используя "крутые" (*cookies*)⁹, и

⁷ <http://www.politicsonline.com>.

⁸ Разумеется, здесь предполагается наличие компьютера, подключенного к Интернету. Вариант стратегии "ноль-бюджетной" кампании содержится в публикации сотрудников фирмы E-Advocates (Merrifield, Va) Д. Беннета и П. Филдинга.

⁹ Подробнее о *cookies* см. <http://www.slate.com/Readme/97-09-27/Readme.asp>.

извлекают немалую прибыль из торговли этими данными¹⁰. При этом "измеряемость" эффективности воздействия Интернет-рекламы несопоставимо выше того, что дает телевидение, радио или обычная почтовая рассылка. Рекламодатель может получить точные данные о том, кто из адресатов увидел его послание, и даже в каком месте, например, 30-секундного видео-ролика он утратил интерес и перешел на другую страницу.

Способны ли эти новые формы и методы политического участия внести качественные изменения в сложившиеся модели и механизмы политического процесса? Насколько обоснованны оптимистические ожидания сторонников популистской концепции? Сегодня этот вопрос все еще остается открытым. В области политической практики убедительные аргументы можно ожидать в ближайшие 5-10 лет, когда в большинстве развитых стран аудитория Интернета сравняется с аудиторией телевидения и других традиционных СМИ. Что же касается политической теории, здесь аргументам "технологических оптимистов" противостоят убедительные доводы сторонников школы "политических элит".

Еще У. Липпман в своем классическом труде "Общественное мнение" [Lippmann, 1934], критикуя технологический оптимизм "эпохи радио", отмечал, что идея информированных граждан, выступающих в роли коллективных управляющих общественными делами, есть утопия, поскольку предполагает существование "сверхкомпетентных" индивидов, и предписывает информационным и коммуникативным медиа исполнение сложнейших функций государства и гражданского общества. Липпман утверждает, что информационные медиа не способны "транслировать весь объем общественной жизни человечества так, чтобы каждый индивид мог вынести компетентное мнение по каждому вопросу" [Lippmann, 1934, p. 362].

Современные "информационные элиты" - эта сложная сеть институтов, организаций, ассоциаций, образовательных учреждений, групп интересов и т.д. - становятся необходимыми интерпретаторами социального контекста для граждан, не способных самостоятельно преодолевать бурные потоки информации, обрушивающиеся на них. Другими словами, современная общественная жизнь слишком сложна, противоречива, разнообразна, чтобы граждане могли взять на себя бразды самоуправления, отказавшись от услуг посредников-интерпретаторов.

Краеугольный камень в дискуссии между технологическими оптимистами и пессимистами: получив доступ к новым возможностям и инструментам политического участия, захотят ли граждане в массе своей воспользоваться ими? Доводы "политической антропологии" (спор между школами "креативной" и "ограниченной" природы *homo politicus*) в данном контексте представляются не самыми весомыми аргументами.

Статистика, на первый взгляд, не дает оснований говорить о взаимосвязи между информированностью и политической вовлеченностью, взятой в таких измерениях, как уровень осведомленности о политических делах, уровень участия в голосовании и др. Напротив, для развитых демократических стран многие показатели за послевоенные десятилетия (период бурного развития и распространения электронных СМИ) имели тенденцию снижения. Б. Бимбер замечает по этому поводу: "У нас пока нет никаких оснований отвергать положение, сформулированное Сиднеем Верба и Джозефом Наем почти три десятилетия назад, о том что в XX веке доступность политической информации не имела прямой связи с уровнем общественного участия в политике. Такова жестокая и разочаровывающая реальность для тех, кто ожидает возрождения общественного участия посредством увеличения доступа к информации" [Bimber, 1998].

¹⁰ Объединяя различные базы данных, технически возможно локализовать, к примеру, специфическую целевую группу, не просто состоящую из мужчин в возрасте 30-40 лет, со средним образованием и средним уровнем дохода, но одновременно являющихся владельцами автомобилей отечественных марок, имеющих домашних животных, болельщиков определенной футбольной команды, выписывающих спортивную периодику и любящих фильмы с Сильвестром Сталлоне.

Слабость данной аргументации к прецеденту, между тем, заключается в недооценке качественной специфики новейших сетевых технологий, позволяющей выделить Интернет из ряда традиционных информационно-коммуникативных технологий по ряду параметров, приведенных выше. Значимость статистических корреляций, зафиксированных в эпоху радио и телевидения, с полным основанием может быть подвергнута сомнению в эпоху глобальной виртуальной реальности.

Серьезный аргумент в данной дискуссии - фактор *коммерциализации* масс медиа. Бурно развивающиеся в последние десятилетия технологии теле-видео-аудио-мультимедиа развлечений приучают аудиторию к пассивному, потребительскому восприятию информации. Имевшие место в 70-80-е годы в США и Западной Европе эксперименты в области интерактивных телевизионных сетей, призванных активизировать политическую вовлеченность аудитории, оказались неустойчивыми, и причины этого кроются не только в технически несовершенном решении. Перспектива поглощения Интернета (вслед за телевидением и радио) транснациональной индустрией развлечений более чем реальна. Окажется ли трансформационный социально-политический потенциал новых коммуникативных технологий востребованным в этой ситуации?

Очевидно, перспектива трансформации демократического политического процесса, качественного изменения механизмов и моделей политического участия, взаимоотношений между человеком и властью зависит, в конечном итоге, от способности новых коммуникативных технологий изменить взаимоотношения между самими гражданами, задействовать "социальный капитал" гражданского общества, воздействуя на сами основания общественного уклада. *Коммунитарное* течение, выделяющее именно эти аспекты, представляет собой, пожалуй, самый свежий и актуальный вклад в обширную литературу и дискуссию в области информационно-коммуникативной революции.

В политической теории, теории демократии, по крайней мере со времен А. Токвиля, общепризнанной считается позитивная взаимозависимость между устойчивостью, целостностью демократического процесса с одной стороны, и способностью граждан формировать добровольные общественные ассоциации, объединяющие людей вокруг общих целей и способствующих активной вовлеченности в решение общественно-политических проблем - с другой. Общественные ассоциации, общины являются тем нравственным компасом, который ведет людей от индивидуального самоопределения (способности осознать собственный интерес) к коллективному самоуправлению (способности участвовать и принимать ответственность за реализацию общего блага).

Уже не одно десятилетие западная общественно-политическая мысль бьет тревогу по поводу упадка общинного духа и практики современной демократии, проявляющегося в неспособности добровольных ассоциаций формировать и поддерживать коллективную идентичность людей, населяющих единое физическое пространство. Церкви, школы, публичные библиотеки, благотворительные организации, профессиональные объединения, общественные мероприятия и общегосударственные праздники все меньше способны привлечь общественное внимание.

Способен ли Интернет переломить сложившиеся тенденции?

Логика коммунитарной аргументации в этом вопросе опирается на общепринятую посылку: физическая дистанция более не ограничивает возможности формирования и функционирования человеческих сообществ. Интернет-гуру Х. Рейнгольд формулирует новую парадигму так: "община" возникает, когда люди общаются друг с другом посредством Сети достаточно долго, чтобы развить устойчивые взаимоотношения, при этом Сеть освобождает этот процесс общинного строительства от ограничений географической близости. Именно это высвобождение общины из оков географических границ позволяет расширить границы локальных общин до национального и интернационального масштаба [Rheingold, 1993, p. 57-80].

Интернет может способствовать общинному строительству благодаря своим уникальным возможностям: помимо упомянутой географической дистанции, анонимный характер Интернет-коммуникации позволяет преодолевать расовые, возрастные, половые и физические преграды, открывает качественно новый способ асинхронных коммуникаций, снимая в свою очередь ограничения временных поясов и распорядка дня. Интернет-коммуникации имеют также более выраженный "эффект запоминания" благодаря возможности записи сообщений. На этих базовых тезисах строится развернутая схема дополнительных возможностей: способствование взаимопониманию, толерантности и готовности принять чужие взгляды и различия; выработка общих ценностей и др.

Характеризуя коммунитарный потенциал Интернета, следует различать 1) инструментальную роль Интернет-технологий, открывающих новые возможности возрождения существующих, *реальных общин*; и 2) "виртуальной общины", не имеющей аналога в реальном мире, зарождающейся и развивающейся исключительно в пределах киберпространства.

В первом случае можно привести десятки примеров того, как новые возможности Интернет-технологий вдохнули жизнь в увядающие городские, местные общины, повысили интерес людей к общественной жизни. Free Net города Кливленд, организованная еще в 1986 году, - старейшая и крупнейшая гражданская сеть в США, по ее примеру были организованы аналогичные сети в Санта-Монике (Калифорния), Ситгле, Филадельфии и множестве других американских городов. В последние годы этот опыт активно перенимается в странах Европы и Азии.

Подобные коммунальные инициативы основываются на идее о том, что большинству граждан не хватает времени, информации и мотивации для активного и осмысленного участия в общественной жизни. Сети решают проблему временных ограничений благодаря асинхронной природе сетевых коммуникаций: пользователи могут в удобное для себя время задать вопросы и получить ответы от депутатов и сотрудников городских и муниципальных органов власти.

Интересным примером гражданского образования и общественной инициативы посредством Интернета является американская Civic Practices Network (CPN)¹¹. Сеть объединяет усилия инициативных граждан и активистов низовых организаций по всей стране, работающих зачастую в изоляции друг от друга, хотя и решающих порой одни и те же проблемы (профилактики преступности и наркомании, создания рабочих мест и преодоления безработицы, и т.д.). CPN - своеобразный электронный журнал и форум, позволяющий делиться собственным опытом и выработать совместные подходы в области местного самоуправления и общинного строительства.

Подобные Интернет-проекты значительно выигрывают от такой Web-функции, как *ссылки (links)*. Городские и муниципальные сайты дают доступ к информационным ресурсам множества организаций и объединений, действующих на уровне города или района. Сайт CPN, например, стал виртуальной дверью для веб-страниц десятков подобных организаций, действующих в разных концах страны. Эти примеры использования Интернет-технологий наглядно иллюстрируют популярный на Западе лозунг общественных активистов: "мыслить глобально, действовать локально".

Адепты и практики подобного применения Интернет-технологий воспринимают их как практический и эффективный инструмент осуществления традиционных функций гражданского образования и низовой коммунальной самоорганизации и активности. Другие же считают, что Интернет способен в принципе изменить структуру и формы общественной самоорганизации, заменить устаревшие, географически ограниченные общины, новыми, *виртуальными общинами*, преодолевающими традиционные ограничения времени, пространства, государственных границ, языковых преград и т.д.

¹¹ <http://www.cpn.org>

В то же время критика обращает внимание на отсутствие социальной солидарности в подобных "псевдообщинах", а также дух солипсизма, порождаемый виртуальной реальностью, сдерживающие процесс общинного строительства (Beniger, 1987).

Можно выделить ряд факторов, которые ограничивают коммунитарные перспективы "виртуальной общины":

- анонимность (этот важнейший атрибут Интернет-коммуникаций) по самой своей природе является неблагоприятной средой для произрастания таких общинных качеств, как *взаимодействие, взаимоуважение, взаимответственность*;

- *социальное давление* - неосязаемый нормативный ресурс общения лицом к лицу, играющий важнейшую роль в развитии социальной солидарности и ответственности членов реальной общины; лежащие в основе этого эффекта механизмы "стремления к поощрению" и "избегания осуждения" не имеют прямой связи с содержанием информационного обмена между индивидами, и носят в значительной мере иррациональный характер;

- *нестабильность взаимосвязей*, абсолютная легкость смены круга общения, "течучка" персонального состава виртуальных общин в противоположность реальным общинам, текучесть состава которых имеет естественные географические, институциональные ограничения.

Качества эти не то что бы полностью отсутствуют в Сетевом пространстве, но их дефицит ощущается достаточно остро именно в тех *виртуальных общинах*, которые не имеют реальных взаимосвязей *вне* Интернета. Они присутствуют в достаточной степени в тех *реальных сообществах*, которые используют сетевые технологии как дополнительное средство коммуникации: научные, профессиональные сообщества, группы друзей и т.д.

И здесь, на мой взгляд, кроется одна из важных причин (возможной) переоценки социального и коммунитарного потенциала Интернета. На начальном этапе развития Интернет-аудитория отличалась сверхпредставленностью высокообразованных, политически активных профессионалов: программистов, ученых, журналистов, политических лидеров, лоббистов. Нет ничего удивительного в том, что эти профессиональные сообщества значительно нарастили свои политические и организационные, мобилизационные ресурсы благодаря новым возможностям сетевых коммуникаций. Неудивительно, что эти первопроходцы Виртуального Пространства, "пионеры электронного фронта" принесли с собой сложившиеся профессиональные нормы, этику, модели взаимоотношений, а также гуманистические и демократические идеалы. Для этой категории пользователей Сети новые коммуникативные возможности действительно открыли блестящие перспективы в уже сложившемся контексте взаимодействия, солидарности, общих ценностей.

Между тем в последние пять-семь лет качественный состав аудитории Интернета претерпел принципиальные изменения. Превращение Сети в средство *массовой* коммуникации способствовало резкому снижению образовательного, возрастного, профессионального, материального и культурного уровня аудитории Интернета. Общедоступный характер Сети делает ее объективным зеркалом общества, отражающим порой самые низменные стороны человеческой природы.

Каков может быть прогноз при условии, что основные действующие факторы не претерпят принципиальных изменений, а именно:

- избиратели останутся достаточно пассивными, не мотивированными к самостоятельному систематическому политическому участию, поглощенными своими неполитическими интересами;

- социальная инфраструктура организаций, ассоциаций, групп интересов не исчезает под давлением новых коммуникативных технологий, сохранит свое влияние на социальную и политическое поведение человека;

- сохранится тенденция коммерциализации виртуального пространства, преобладания неполитических, развлекательных приложений новых технологий;

- сохранится тенденция к разнообразию культурных, социальных, этнических форм самоидентификации, норм поведения и т.д.

Можно ожидать, что новые информационно-коммуникативные технологии будут снижать транзакционные издержки мобилизации и организации коллективного действия, с которыми постоянно сталкиваются политические антрепренеры, активисты, инициативные люди. Эта тенденция будет в наибольшей степени благоприятствовать именно таким группам, которые находятся вне рамок традиционных частных и публичных институтов, не имеющих корней в сложившихся деловых, профессиональных или любительских сообществах.

Есть все основания полагать, что Сетевые технологии будут способствовать децентрализации контроля над частными СМИ и, возможно, повернут вспять тенденцию концентрации и слияния медиа-империй. Интернет если и не приведет к воплощению в жизнь идеала автономных, независимых и действительно представительных СМИ, то, по крайней мере, снизит воздействие институционализированных СМИ на формирование общественно-политической повестки. Фактором, ограничивающим возможности получения и осмысленного анализа актуальной информации, будет уже не столько контроль политических элит-посредников, сколько информационная перегрузка, "шум", в котором будут теряться действительно ценные и объективные сообщения.

Очевидно также, что сетевые технологии сделают политический процесс более прозрачным за счет снижения ограничений на доступ общественности к политической и финансовой информации. Жизнь политических функционеров и чиновников не станет от этого более комфортной.

Эти и другие соображения приводят нас к выводу, что наиболее вероятным социально-политическим последствием развития новых коммуникативных технологий будет *повышение динамизма* и одновременно *фрагментация* политического процесса, атомизация плюралистической политики групповых интересов. Этот процесс может быть описан в категориях демократизации групповых элит, поскольку функции мобилизации и организации станут широко доступны низовым активистам, не зависимым от финансовых и институциональных связей.

Снижение зависимости политической активности от стабильных публичных и частных институтов может, в свою очередь, способствовать росту нестабильности и непредсказуемости политического процесса.

Очевидно также, что новые возможности и проблемы, порожденные информационно-коммуникативной революцией и ее передовым отрядом - технологиями Интернета, - будут привлекать растущее внимание и интерес научного, политического, экономического сообществ, широкой общественности, стоящих еще только на пороге теоретического осмысления и практического освоения этого выдающегося феномена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избр. произведения. М., 1990.
- Abramson J.B., Arterton C., Orren G.R.* The Electronic Commonwealth. 1988.
- Beniger J.* Personalisation of Mass Media and the Growth of Pseudo-Community // Communication Research. 1987.
- Bimber B.* The Internet and Political Transformation: Populism, Community and Accelerated Pluralism. 1998.
- Corrado A., Firestone C.* Elections in Cyberspace: Towards a New Era in American Politics. Washington, 1996.
- Dahl R.A.* Democracy and its Critics. New Haven, 1989.
- Etzioni A.* The Spirit of Community: Rights, Responsibilities, and the Communitarian Agenda. New York, 1993.
- Grossman L.K.* The Electronic Republic: Reshaping Democracy in America. New York, 1995.

Grossmann L.K. The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age. New York, 1995.

Kedzie C.R. Communication and Democracy // Coincident Revolutions and the Emergent Dictator's Dilemma. RAND.1997/<http://www.rand.org/publications/RGSD/RGSD127/>.

Lippmann W. Public Opinion. New York, 1934.

Negroponte N. Being Digital. New York, 1995.

Raney R. Former Wrestler's Campaign Got a Boost From the Internet // New York Times. 1998. November 6/<http://www.nytimes.com/library/tech/reference/raneybio.html>.

Rheingold H. A Slice of Life in my Virtual Community // Global Networks. Cambridge (Mass.), 1993.

Rheingold H. The Great Equaliser // Whole Earth Review. Summer 1991.

Toffler Al., Toffler H. The Third Wave. New York, 1980.

Westen T. 2004: A Digital Election Scenario // Elections in Cyberspace: Towards a New Era in American Politics. Washington, 1996.

© С. Туронок, 2001